

Олег Корниенко

Шаги за дверью

РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОФОРТ

Самара

2012

УДК
ББК
К

Корниенко О.И.

К **Шаги за дверью : Рассказы для детей младшего и среднего школьного возраста / Олег Кониенко. – Самара : ООО «Офорт», 2012. – 50 с.**

ISBN

«Шаги за дверью» – первая детская книжка «взрослого» поэта и прозаика, члена Союза писателей России Олега Корниенко. Его рассказы уже публиковались в известных московских изданиях: «Детская «Роман-газета», «Кукумбер», «Русское эхо»(Самара). Рассказывая о приключениях мальчика Тимки и его друзей, писатель без лишней назидательности показывает, как в играх и повседневной жизни, в первых столкновениях с серьёзными «взрослыми» проблемами, складываются характеры детей, рождается у них представление о добре, справедливости и красоте.

О. Корниенко – лауреат литературных премии «Город» (1999г) и «Признание»(2006г), дипломант 4-го Международного конкурса детских и юношеских произведений им. А.Н.Толстого (2011-2012гг.).

УДК
ББК

ISBN

© Корниенко О.И., 2012
© Зайцев В., Лопачёва Г, иллюстрации,
«ДРГ» 2012
© Степанова О.В., иллюстрации, 2012
© Оформление. ООО «Офорт», 2012

ВОЗДУШНЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Тимка с Федькой стояли и широко раскрытыми глазами смотрели, как Валерик надувает водородом шарик. Обыкновенный магазинный шарик через несколько минут должен был стать необыкновенным. То есть, летающим.

— Прямо чудо какое-то, — все больше удивлялся Тимка, глядя как шарик, одетый на горлышко большой бутылки, всё увеличивался и увеличивался в размерах.

— И никакого здесь чуда нет, — заметил Валерик. — Чистая химия: смешиваем растворы медного купороса и поваренной соли и бросаем туда алюминиевую проволоку. В результате реакции выделяется водород.

— Какой соли? — переспросил Тимка. Медный купорос он знал и раньше. Дедушка весной опрыскивал им деревья.

— Обыкновенной. Какую мы в пищу кладём.

— И что он, действительно, полетит? — любопытство распирало Тимку.

— Водород легче воздуха. Значит, должен полететь, — ответил Валерик.

— Чего пристал к человеку? — толкнул Тимку Федька. — Тоже, что ли, шарики надувать собрался?

— А почему бы и нет. — Тимке не терпелось самому проверить: выделяется ли в результате реакции водород.

— Ты уже фосфор добыл один раз? — ухмыльнулся Федька.

Случай с добычей фосфора Тимка запомнил на всю жизнь. Федьке на день рождения подарили часы со свечами от фосфора цифрами и стрелками. Все ребята завидовали Федьке. Толстушка Светка, у которой отец был ветеринарным врачом, сказала, что впервые фосфор получили, выпаривая мочу животных. Тимка решил это проверить. Он наполнил консервную банку своей мочой и поставил на керогаз. В итоге он так нахимичил, что все потом в дом через вторую веранду заходили, пока эту не проветрили.

А шарик, действительно полетел. Задрав головы, ребята следили за ним до тех пор, пока тот не растворился на фоне серого весеннего неба.

Тимка без колебаний решил попробовать самому надуть шарик. А чем он хуже Валерика? Тем более, что тот объяснил, что и как надо делать: сделать раствор и бросить проволоку. Что может быть проще! Да и Федька после этого, возможно, хвост подожмёт.

Первый компонент-соль, Тимка раздобыл быстро. Бутылку из-под шипучки и кусок алюминиевой проволоки он тоже нашел без труда. А вот остался ли после деда медный купорос? Но и его он вскоре отыскал в отцовской мастерской. Слово «купорос» на пакете кем-то было исправлено на «ПОПАрос».

— Ты чего там химишишь? — поинтересовалась мать. — Избу, смотри, не сожги...

Когда раствор в бутылке забурлил, Тимка не без труда надел на горлышко зелёный шарик, оставшийся после октябрьских праздников. Тимка где-то переборщил потому, что раствор выплескивало в шарик, мешая ему подняться. Он отлил раствор и опять надел шарик. Когда он стал величиной с футбольный мяч, Тимка перевязал его и снял с бутылки. Шарик, точно намагниченный, рванул вверх и точно прилип к потолку. Тимка глядел и не мог налюбоваться на свою работу. Он все ещё не мог поверить, что сделал это. Несколько раз Тимка подходил и трогал шарик за хвостик, но потолок шарику почему-то стал дороже Тимки. Но он не обиделся, а скорее жалел, что этого никто не видит.

Тимка долго не мог заснуть. Он смотрел на шарик, покачивающийся под потолком, представляя, как высоко он завтра поднимется и где-то опустится. Где-то? А если к шарику привязать записку с адресом, то Тимка обязательно узнает где приземлился шарик! Он вскочил с постели, включил настольную лампу и написал записку. Дважды перечитал её, указал адрес и сложил вчетверо.

На другой день он рассказал про письмо Валерику и Федьке.

— Здорово! — сказал Валерик. Решение отправить шарик с письмом одобрил и Федька.

Шарик, как застоявшийся конёк, плясал в руках у Тимки, рвался в небо.

— Можно я запущу? — умоляюще посмотрел Федька.

— Пускай, что мне жалко?

Федька подержал шарик, потрогал записку и разжал пальцы. Шарик, поднимаясь, весело точно рукой, махал ребятам бумажкой: пока, мол, ждите ответа!

Но письма всё не было и не было. Тимка даже запомнил время, когда приходит почтальон дядя Володя и спешил его встречать. Но кроме газет и пенсии бабушке, редко что было.

Прошло немало времени, прежде чем однажды дядя Володя принес письмо. Письмо было из Павловки. Тимка быстро открыл конверт, развернул вырванный из школьной тетради листок. В письме говорилось, что шарик с запиской получили и ждут ребят в гости.

До Павловки было километра четыре и ребята не стали надолго откладывать свой визит. И что такое четыре километра для их велосипедов!

Встретила их невысокая полноватая женщина в очках.

— Вы, наверное, к Саше? — спросила она и, не дожидаясь ответа, сказала:

— А Саши нет дома, он в районной больнице.

И она рассказала, что случилось с сыном. Соседский мальчишка залез высоко на дерево, чтобы снять котёнка, а обратно слезть не смог. Сидел и плакал. Котёнок жалобно мяукал. Саша полез за ними. Когда до земли оставалось немного, мальчишка-то с котенком спрыгнул, а под Сашей ветка обломилась и он упал, ударившись головой о землю. Все, казалось бы, обошлось, но Саша стал быстро терять зрение. Сейчас ему нужна срочная операция, нужны деньги. Вы ребята, извините Сашу, что долго не отвечал. Когда я увидела в огороде ваш шарик с запиской, Саша был уже в больнице. Я ему о вас обязательно расскажу.

Она замолчала.

Домой ребята ехали молча, потрясенные рассказом Сашиной мамы.

– Давайте надуем шарики и напишем письма с просьбой помочь Саше, – предложил Федька. Все-таки светлый человек Федька, и мысли к нему приходят всегда светлые.

И работа закипела. Тимка надувал шарики, Федька писал письма, а Валерик их привязывал. Когда всё было готово, они выпустили их в небо. Разноцветные воздушные почтальоны стайкой поднялись выше деревьев и дома, а потом разлетелись в разные стороны по своим пока ещё неизвестным адресам.

«ПЕТЛЯ НЕСТЕРОВА»

Валерик с детства мечтал стать космонавтом. Тимка тоже мечтал стать космонавтом, потому что стать космонавтом мечтал Валерик. Друзья регулярно делали зарядку и закалялись – готовились к своему полёту. А к нему надо быть всегда готовыми.

– В школу лучше ходить пешком, а не на троллейбусе ездить, – заметил как-то Валерик. – Это тоже тренировка.

– Ходи, кто тебе не дает, – заметил Тимка. – У меня другая система.

Какая – Тимка не говорил, а вот Валерик по своей системе часто в школу опаздывал.

А однажды на уроке физкультуры у Валерика закружилась голова. Школьная медсестра дала ему понюхать нашатырного спирта и попросила Тимку проводить Валерика домой.

– С таким вестибулярным аппаратом в космос непустят, – заметил пapa Валерика.

– А что же делать? – спросил Тимка.

– Тренировать надо: рейнское колесо или лопинг – вращающиеся качели.

Ребята от незнакомых слов притихли.

– В детском парке есть аттракцион «Петля Нестерова». Это то, что вам надо! – подсказал пapa.

– Так и называется – «петля»? – удивился Валерик.

– Так и называется: «Петля Нестерова» по фамилии лётчика Петра Николаевича Нестерова, который впервые выполнил в небе эту фигуру. Вы аттракцион видели – в мультфильме «Ну, погоди!»

– Ура! – обрадовались ребята.

В выходной день Валерик с Тимкой поехали в детский парк. По дороге Валерик представлял, как они сядут в кабину самолёта, пристегнутся ремнями, и начнут накручивать круги один за другим.

Но возле аттракциона их ждала очередь. Не большая, а всё – таки очередь.

Ребята забеспокоились: срывалась их первая тренировка на новом тренажёре. А тут ёще женщина – контролер со своим вопросом:

– Ребята, а вам не рано на этом аттракционе кататься?

– Да вы что, – возмутился Тимка. – Мы уже год как ходим в Школу юных космонавтов.

– Ну-ну, – покачала головой женщина – контролер, и покрепче пристегнула ребят.

– Готовы? Поехали!

Зажужжал винт на носу самолёта и он, вместо того, чтобы сорваться с места, сонной мухой пополз вперёд. Когда деревья парка ушли под крыло, Валерик понял, что это катастрофа. Висеть головой вниз на глазах у всех было не очень-то весело. Он мысленно толкал самолет, а тот еле полз. Ещё немножко, подумал Валерик, и ремни не выдергят.

– Ты как? – дрожащим голосом крикнул Валерик.

– Самочувствие отличное! – ответил Тимка, и от этого Валерику стало ещё страшнее.

Когда самолёт, наконец выровнялся, Валерик понял, что на большее его не хватит. И хотел попросить женщины-контролёра остановить самолет. Он только открыл рот, как самолёт опять покарабкался вверх, и вскоре Валерик, точно мультишный Волк, опять повис головой вниз. В ремни он не верил, а потому изо всех сил вцепился в сиденье.

Валерику не хотелось так рано погибать. А как же космос? А слава? Если с самолётом что-нибудь случится, то памятник Валерику поставят, скорее всего, возле кассовой будки аттракциона. Или назовут её его именем.

И Валерик закричал.

– А-а-а... Тётичка, остановите!

Закричал, потому что было страшно. И потому, что он увидел в толпе папу, который кого-то искал.

– Папа, останови самолёт!

Но самолет Валерика не послушался и по инерции, жужжа винтом, опять пополз вверх. Папа метнулся к женщине – контролёру и принялся ей что-то объяснять. И вскоре винт на самолете замер, он медленно опустился и бледный Валерик вылез из кабины.

Домой они возвращались молча. Папа шёл впереди, то и дело оглядываясь на притихших друзей. Каждый из них думал о своём. Тимка представлял себя за штурвалом настоящего космолёта. А Валерик просто глядел себе под ноги, которые уверенно шагали по тротуару, и не мог понять: что случилось? Почему он кричал?

– Ничего, со всеми такое может случиться, – успокаивал нас папа. – Просто, всегда надо реально оценивать свои возможности. Но вы – молодцы, если не побоялись повторить подвиг самого Нестерова!

Дома папа показал нам с Тимкой фото Петра Нестерова. Мы долго разглядывали в энциклопедии стройного летчика в фуражке и с кортиком на боку, а также приземистый «Ньюпор-4», на котором летчик выполнил свою «мертвую петлю».

– А если бы Петр Николаевич жил сейчас, он стал бы космонавтом? – спросил Тимка.

– Я думаю, что стал, – ответил папа.

– А я тебе что говорил, – Тимка посмотрел на Валерика, и рядом с фамилией «Нестеров» написал карандашом – «космонавт».

РАНЕНЫЙ «ОРЛЁНОК»

том, что в нашем микрорайоне будет проходить военно – патриотическая игра «Орлёнок» мы с Валериком узнали из объявлений, расклеенных почти на каждом доме. В этой игре мы были не новички. У нас даже была своя команда с грозным названием «Динамит». С толстушкой Светкой, капитаном нашей команды, мы всегда занимали призовые места – второе или третье и никогда первое. Может быть, сегодня нам повезёт?

Чтобы не опоздать на построение мы всю дорогу бежали, представляя: как волновалась Светка. Ничего, похудеет килограмма на два, это ей полезно.

Команд было семь. После поздравления депутата, всем ребятам раздали ленточки, похожие на российский триколор и булавки. Светка быстро, как будто ежедневно это делала, приколола нам ленточки к рубашкам. Команда под №3 «Динамит» к соревнованиям была готова.

Светка бегала к судьям, к организаторам соревнований. Она им что-то говорила, они ей отвечали, размахивая руками.

– Надо пробежаться по трассе. Так сказать, проверить её на зуб, чтоб меньше было проблем, – предложила нам Светка.

С этим согласились все и, когда до начала соревнований осталось десять минут, мы быстро прошли маршрут: противогазы, полоса препятствий, оказание первой медицинской помощи, преодоление рва, «мышеловка», «паутина»...

Валерик скривил презрительно губы и поплевал на ладошки:

– Элементарно. Первое место у нас в кармане.

– Не скажи, – оглянулась Светка на трассу. – Одно дело со стороны смотреть, другое – соревноваться.

После короткого инструктажа на старт вышла первая команда.

Наша очередь была ещё не скоро, и мы расположились так, чтобы видеть все этапы соревнования.

— «Динамит»! Где у нас «Динамит»?— крикнула в рупор судья.

Мы выросли перед ней, как грибы после дождя.

— Готовы? — спросила она.

Светка только открыла рот, чтобы ответить, как за спиной кто-то рявкнул:

— Так точно!

Это был Валерик.

— Ваш девиз?

И мы дружно, хором, во весь голос прокричали:

Мы команда классная

И взрывоопасная.

Кто сегодня победит?

Ну, конечно, «Динамит»!

Судья бросила взгляд на трассу (она была свободна) и скомандовала:

— На старт! Внимание! Марш!

И мы рванули с места. Первый этап — «стометровку» — мы пробежали быстро и бросились к противогазам. В них надо было пробежать второй этап, метров 20, потом снять и отнести противогазы обратно.

Мы уже добежали до финиша, когда услышали за спиной страшный рёв. По звукам, за нами мчался слон. Слоном оказался Валерик. Его алые щеки выглядывали из противогаза и вместо того, чтобы бежать вперед, он топтался на месте и трубил. Мы подхватили Валерика под руки и быстро потащили к финишу. Только там выяснилось, что не была снята заглушка на противогазной коробке, и Валерик чуть не задохнулся.

На третьем этапе нас ждала врач с повязкой «красный крест».

— Вам задание: мальчик потерял сознание, — сказала она. — Ваши действия?

Мы посмотрели на Светку. Все-таки папа у неё врач, пусть и ветеринарный.

- Привести его в чувство, – тяжело дыша, бросила Светка.
- А конкретнее? Надо дать больному врач пытаясь нам помочь.
- Мороженое, – запрыгал от находчивости Валерик.
- Ещё одно слово и ты вместо мороженого в ухо полу-чишь, – показал я кулак Валерику.
- Дать больному понюхать нашатырь, – вспомнила Светка.
- Правильно! – похвалила нас врач. – А теперь на «тар-занку».

Так же легко, но не без проблем мы преодолели «тарзан-ку», качающееся бревно, отстреляли из «воздушки» и замер-ли перед последним испытанием – «паутиной».

– Прижимайтесь к земле, когда будете ползти под сет-кой, – напомнила нам судья. – Касаться её нельзя. И не спе-шите! Главное – не скорость, а отсутствие штрафных очков.

Сетка была натянута так низко, что Светка не могла её не задеть, но тут случилось ЧП, которое спасло Светку.

Я прошёл этап быстро и ждал Валерика. Он упал под сет-ку и так заработал руками и ногами, что мы чуть не потеряли его в пыли.

Когда же сияющий Валерик появился на финише, он на-поминал индейца: грязное от пыли лицо и белые зрачки.

– Ну, как я? – сияя, спросил он.

– Можно было и лучше, – заметила Светка. – А что это у тебя с ногой?

Все посмотрели на левую ногу Валерика, и только тут за-метили, что она в крови.

Валерик побледнел и, чтоб он не упал, мы усадили его под дерево. А Светка побежала за врачом.

Врач быстро осмотрела рану.

– Скорее всего, стеклом поцарапался, – доложила она судье.

– Мы ведь всю дистанцию перед соревнованием осмотре-ли, – судья виновато развела руками.

Врач дала понюхать Валерику нашатырного спирта, об-работала рану перекисью водорода и наложила повязку.

– Как дела у «Динамита»? – спросила она судью.

– Скорее всего, третье место.

– Как третье? – чуть ли не вскочил Валерик. – Да если бы не ранение, мы бы обставили всех.

Судья соревнований ещё раз посмотрела на списки, потом на доктора:

– Второе место, в принципе, они заслужили.

– Ура! – взорвался «Динамит» от радости.

Домой мы возвращались не спеша. Во -первых, сказались усталость от соревнований. Плюс как призерам, каши нам дали с добавкой. Валерика мы вели по очереди. Каждый из команды считал за честь помочь раненому герою. Хотя хромать Валерик почти перестал. Все понимали: без него, мы ни за что бы не завоевали второго места.

Уже возле дома, прощаясь, Валерик заметил:

– Чепуха! Какой я герой. Вот если бы вторая нога была ранена – первое место у нас было бы точно!

ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ

Стёпка жил в небольшом посёлке и давно мечтал сходить в зоопарк или цирк. Зоопарк был в другом городе. Там жил дядя Коля, ехать к которому на электричке часа три. Стёпку одного не отпускали — мог заблудиться в большом городе.

Всё решил телефонный разговор с дядей. Договорились, что здесь Стёпку посадят на электричку, а там дядя встретит его.

Но дяди на станции не оказалось. Стёпка подождал некоторое время, и когда большая стрелка на вокзальных часах перескочила на другую цифру, подошёл к полицейскому:

— Вы не знаете, где улица Совнаркома, дом 8?

— Совнаркома? Это идёшь прямо и упираешься в кинотеатр. А первый дом слева — твой.

Стёпка шел по улице и рассматривал витрины магазинов. В одной из них он увидел чучела и клетки.

— ZOOмагазин, — прочитал Стёпка и без колебания открыл дверь.

Чего здесь только не было! Прозрачная стена из аквариумов с разными рыбками, хомячки, декоративные кролики, много скрипучих попугайчиков, о которых давно мечтал Стёпка. Одним словом, всё что угодно, кроме слона. Слон ждал Стёпку в зоопарке, а потому Стёпка поспешил на выход.

Он быстро отыскал дом дяди и его шестую квартиру. На звонок никто не вышел. Стёпка позвонил ещё раз, и ещё...

И вдруг Стёпке послышались шаги. За дверью дяди Колиной квартиры кто-то ходил. Стёпка перестал дышать и прислушался: шаги то удалялись, то снова осторожно приближались.

Он нажал на кнопку звонка.

— Дядя Коля, откройте! Это я, Стёпка!

Нет, ему не почудилось, по коридору кто — то ходил: быстро-быстро туда-сюда. Стёпка опять требовательно позвонил. Но никто не откликнулся, и дверь не открыла.

Он сел на ступеньки, прижал к себе рюкзак и прислонился к стенке...

Его разбудил дядя Коля.

— Ты давно сидишь? Я уже все электрички встретил — нет тебя. Хотел уже звонить родителям — узнавать: в чём дело.

— У вас кто — то за дверью ходит, — сказал Стёпка.

— А это мы сейчас посмотрим, — улыбнулся дядя Коля, открывая дверь.

Навстречу им из кухни выбежала газета.

Когда дядя включил свет, газета развернулась на месте и покосолапила в тёмную комнату.

— Это ёжик. Постель на ночь готовит, — пояснил дядя.

— Ёжик? — удивился Стёпка.

— Ну да, ёжик. Недавно у подъезда в кустах подобрал, Лапку, видно, поранил. Подлечу его маленько, а потом в зоомагазин сдам на чучело. Какие ни есть, а деньги.

Ночью Стёпка несколько раз просыпался и слышал как шуршит газетами ёжик.

Когда утром он проснулся, в комнате никого уже не было. На столе лежала записка: «Завтрак на плите. В зоопарк пойдем завтра». Рядом лежал ключ, скорее всего, от квартиры.

И тут он вспомнил про ёжика. Ёжика нигде не было. Нужели уже отнёс? — испугался Стёпка.

Он прошел в другую комнату и заглянул под шкаф. Там шевелились обрывки старых газет. Это сонно дышал ёжик. Рядом стояло пустое блюдце.

Стёпка быстро выложил привезенные дяде гостинцы из рюкзака. Одно яблоко он оставил на обратную дорогу. До-стал носовой платок и положил в него сонного ёжика.

«Мы с ёжиком паехали дамой. Стёпка», — написал он на обратной стороне записки.

Дорога к станции шла направо. Стёпка повернул налево, в городской парк.

Он прошёл вглубь парка, вырыл под кустиком ямку, выстелил её травой и осторожно положил в неё спящего ёжика.

В животе заурчало от голода. Он вспомнил про яблоко. Наливное, душистое, оно еле помещалось в Стёпкиной ладони.

— Я только немножко... — сам себе сказал Стёпка. Он положил надкусенное яблоко рядом с ёжиком и зашагал в сторону железнодорожной станции.

ТЫСЯЧЕЛИСТИК

Бабушка!- кричу я, уронив кухонный нож – Я пальчик порезал!

Испуг от боли и вида крови, несет меня через весь огород. Увидев мое заплаканное лицо, бабушка бросает работу.

– И как это тебя угораздило? – то ли жалеет, то ли ругает она меня.

Оглянувшись, бабушка выщипывает несколько каких-то мохнатых стебельков, растирает их пальцами и осторожно прикладывает к ране. Боль постепенно утихает, и я успокаиваюсь.

«Раньше йод и «зеленку» в деревне мало кто знал,- вспоминаю слова бабушки,- поэтому лечение, если поранишься, было одно – тысячелистник. Его и искать не надо – повсюду растет».

Когда в нашей семье кто-нибудь заболевал или за помощью обращались соседи, бабушка, не спеша, шаркая комнатными тапочками, проходила в спальню и, опершись сухой рукой о край старой деревянной кровати, по-старчески кряхтя, становилась на колени. Под кроватью, в царстве полумрака и пыли, в картонных коробках хранились высушенные стебли, корни и цветы.

Бабушка стелила старую, пожелтевшую от времени газету и бережно выкладывала на неё содержимое коробки, пока не находила нужный пакет или связанный пучок. Занятая поисками, бабушка не замечала моего присутствия, и я со стороны мог наблюдать, с какой осторожностью она берет каждый пучок, как внимательно изучает его через сползшие на нос очки.

От пыли щекотало в носу, я чихал, но бабушка, обнаружив меня, не гнала, а усаживала поближе. Продолжая перебирать венички, пакетики, мешочки, она говорила о лечебных свойствах находящихся в них трав. Благодаря цепкой детской памяти, я и сейчас узнаю, если встретятся: зверобой, душицу или «медвежье ухо».

В нашем доме не было той стерильной чистоты, так характерной для современной городской квартиры с крашеными полами, обоями и полированной «стенкой». Именно в эту простоту деревенского быта, наполненную нужными в хозяйстве вещами, тянуло меня всегда.

А какие она пекла пироги! На широких противнях они исчезали в прокопченной пасти печи, чтобы появиться через некоторое время румяными, источающими неописуемый запах пропечённого сдобного теста.

Это было на праздники. А еще были будни, не уступающие им: ржаные блины, как «колесо машины», которые мы, намазав сливочным маслом, уплетали за обе щеки, и деруны, или, как правильно поясняет белорусская национальная кухня, драники.

Что бы рассказать о них кому-нибудь из своих друзей, мне для начала приходилось опускаться до выражения «картофельные блины». И это звучало настолько примитивно и серо по сравнению с тем объеденьем, какое представляли они, не только тушеные в сметане, а хотя бы просто со сковороды: румяные, вприкуску с прозрачными шкварками или с простоквашей.

Годы давали о себе знать: болели руки, болела голова и ноги, - и что бы бабушка не делала по хозяйству – она быстро уставала. Тогда она садилась на длинную не крашенную скамью у окна, что выходило в сад, устало шевелила пальцами ног.

Некоторое время она сидела неподвижно, точно прикидывала: а все ли сделано? Затем, наклонив голову и охнув, она отрывала от скамьи свое невесомое тело и медленно направлялась к комоду. Скрипела дверца, и бабушка доставала коробочку из – под фиолетовых чернил, где хранились «таблетки от головы» - «пятирчатка». Приняв лекарство, бабушка проходила в спальню. С этой минуты от нас с братом требовалось одно: тишина. Но разве мы тогда понимали это? У нас была своя жизнь, свои дела и заботы. Мы бегали, стучали дверью, шумели...

Бабушка появлялась через мгновение. В дрожащей руке у нее был дедов ремень. Лицо ее, маленько и смуглое, выглядело усталым и жалким. Била она не больно, но я как волчок вращался на месте и орал в надежде, что громкий плач – признак боли и раскаяния – удовлетворит расстроенную бабушку. Впрочем, она и сама вскоре бросала ремень, садилась на ту же скамью у окна и начинала плакать.

От вида слез нам становилось не по себе, и мы, продолжая реветь, принимались просить прощения. И бабушка, конечно, прощала.

Она умерла через три месяца после того, как я стал курсантом военного училища. Тщетно пытался я объяснить командиру роты, что после смерти матери бабушка заменила ее. Ее посчитали дальним родственником, а потому на похороны меня не отпустили.

Через неделю я получил письмо от дяди. Он сообщал, что похоронили бабушку на городском кладбище, что в пяти километрах от села, возле отца и матери, рядом с большим кустом сирени.

Спальню бабушки облюбовал вернувшийся из армии брат. Он быстро потеснил все в комнате – сундук и шкаф для одежды, коробки с травами – стеллажами с книгами и журналами. То, что не поместилось на полках, перекочевало в запахнувшие травами картонные коробки.

Больно было видеть, как исчезает последняя память о близком человеке, осознавать личную причастность к этому, поскольку ни я, ни дядя, не смогли, а точнее даже не пытались противостоять этому книжному нашествию.

И я за целый месяц отпуска не нашел времениходить на кладбище. Что это: эгоизм или непонимание того, что наша любовь нужна не только живым, что помнить о близнем нужно не только когда он рядом, но и когда его нет больше с нами? Ведь главное наше предназначение на этой земле – творить добро. Только в этом случае у нас есть надежда остаться в памяти потомков. А много ли я добра сделал?

Осенью я не поехал на юг, как планировал, в рапорте на отпуск указал адрес бабушкиной деревни.

Знакомый куст сирени без листвы стал почти прозрачным, за ним еще издали я заметил гранитную плиту. На ней было высечено знакомое до боли лицо бабушки. Ограды, как на других могилах, не было, и я свободно подошел к могилке и положил на поросший барвинком и другой кладбищенской травой холмик букет таких обычных, но дорогих мне цветов тысячелистника.

ДЕКОРАТИВНЫЙ ЗЯКА

Дочери Анастасии

Зяка появился в квартире Емелиных не случайно. Его подарил Наде на день рождения Колька, двоечник.

— Вот. Это тебе, — краснея, пробормотал Колька и протянул Наде подарок.

Списывал Колька не часто, но его подарок Наде понравился.

В коробке из-под обуви, дрожа от страха, сидел рыжий с пышными бакенбардами и коричневыми глазами зайчонок и шевелил носом. Скорее всего, он так дышал.

— Это что еще за чудо? — недовольно спросил папа.

— Папа, он такой пушистый. — Надя взяла зайчонка на руки и поцеловала в пушистую щеку.

— А если он цапнет?

— Не цапнет, — спокойно ответил Колька. — Он добрый.

Колька хотя и был двоечник, но животных любил. У него в квартире жили кот, щенок, две черепашки и большой говорящий попугай.

— Ну, и чем вы его кормить собираетесь? — поинтересовался папа.

— Он всё кушает: хлебушек, травку. Насыпали «геркулеса» — тоже не отказался, — сказал Колька.

— Ну, ну, — папа осуждающе посмотрел на маму, но та и сама была не рада новому квартиранту. — С попугаем хлопот не оберешься, а тут ещё и зайчонок.

— Это декоративный кролик, — поправил папу Колька.

Проблемы начались сразу же, как только за Колькой закрылась дверь: где будет спать Зяка (Надя послышалось, что именно так мама назвала кролика), из чего будет есть и что делать, если заболеет.

Кролика на ночь посадили в картонную коробку из-под телевизора. Но он не хотел ещё спать. Скорее всего, привык к другому распорядку. Он встал на задние лапки и начал

скрестись, пытаясь выбраться. И выбрался: прогрыз в коробке отверстие и счастливый оказался на свободе

— Вот это да! — все от удивления вытарашили глаза. — И что с ним делать?

Зяку закрыли в ванной. Итише для всех, и надежнее. Он немножко побушевал в темноте, но вскоре затих.

На следующий день — свобода! Зяка осторожно продвигался, изучая квартиру. Лапки на линолеуме непривычно расположились. И это было смешно. Он действительно, был потешен, и его хотелось трогать и трогать, но в руки он не давался, и забирался туда, где достать его практически было невозможно: под кухонный стол, за диван в зале, и особенно часто, под кровать в спальне.

Правда, отлеживался Зяка недолго. Когда мы, успокоившись, принимались за свои дела, он выходил из укрытия и начинал бродить по квартире, обнюхивая углы, быстро подружился с котом и делал так же как и кот: царапал диван и грыз обои.

Это начинало раздражать, Зяку прогоняли, но он настойчиво продолжал свою работу. Его прямо тянуло погрызть что-нибудь или порвать.—

— Надо купить клетку, — предложила Надя.

— А сколько она стоит? — спросил пapa.

— Рублей 500, — предположила мама.

— 500?! — возмутился пapa. — Нормально. Клетка пятьсот, и уже на 500 обоев съел. Куда хотите туда его и девайте.

На семейном совете решили (Надя была против) подарить Зяку папиной знакомой библиотекарше. Библиотекарша мечтала когда-то о декоративном кролике. Пapa позвонил ей, и уже представляя, что после совета с мужем, её ответ будет положительным. Но вечером она сообщила, что муж против: «У тебя есть кот — хватит с тебя и кота».

Отнести Зяку Кольке нельзя — обидится. Да и подарки не возвращают.

— В городском парке есть небольшой частный зоопарк. Может там возьмут? — подсказала мама.

В воскресенье все вместе поехали в зоопарк, в котором никогда не были.

На улице, в изгороди, не смотря на солнечный день, стояла сонная лошадь, а в помещении им ударила в лицо духота и непривычный запах, характерный для всех зоопарков. Здесь жили две худенькие лисицы, несколько кроликов, редкий для этих мест дикобраз, в коробке с опилками копошились хомячки, а в пустом аквариуме дремал, тоже декоративный, но рябой кролик.

Симпатичная женщина в спецовке и рукавицах сказала, что денег на покупку кролика у них нет. Мама объяснила, что они хотят отдать Зяку просто так.

— Привозите, посадим вашего к тому рябому, — женщина показала на аквариум. — И если они уживутся...

— Мамочка, он же не рыба, — захныкала Надя.
— Ничего страшного, временно посидит и в аквариуме.
— А что я скажу Кольке?
— Ничего. С двоечниками стыдно тебе общаться, — рассердилась почему-то мама.

И Надя с мамой в выходные отвезли подарок в городской зоопарк.

— Посадили Зяку пока к рябому. Он сразу в угол забился, — рассказывала папе мама, когда они вернулись.

На следующий день, когда папа пришел с работы, в квартире было тихо и как-то пусто. Никто не путался под ногами, не трепал нервы. Но папа еще не один день по-привычке вскакивал с места — ему казалось, что кто-то грызет обои. Засыпал он с головной болью. Но болела и душа: как там Зяка? Они его кормили, купали, сушили после бани феном, расчесывали пушистые бакенбарды и челочку между ушей, а там никто за ушком не почешет.

И однажды папа, не вытерпев, поехал в зоопарк.

Зяка сидел, забившись в угол какой-то клетки: грязный, худой и всклокоченный. Рядом стояла миска с нетронутой едой.

— Воды даже не было, — рассказал, возвратившись, папа. — Ну, и что будем делать? — он вопросительно посмотрел на маму и Надю. После всего увиденного в городском парке, папа был согласен на всё.

— Я уже заказала большую птичью клетку, — радостно сообщила мама. — Мы тоже были у Зяки и все видели.

Папа обрадовался, что их решения совпали, потому что и сам соскучился по этому худющему комочку.

В понедельник у мамы был выходной. Она купила на рынке пластмассовую корзину для перевозки животных. В зоопарке нас ждал Зяка.

«ТАРЗАНКА»

А с нетерпением ждал лета и оно, наконец-то, наступило. Мы закончили работу на пришкольном участке и шагнули в пятый класс. В моём дневнике, как стулья в кинотеатре, стояли «четверки». Среди них даже одна «пятёрка» красовалась – по физкультуре.

Мама с папой радовались окончанию учёбы не меньше, чем я. Они наперебой предлагали мне разные мероприятия и даже поездку в Турцию, но победило папино предложение навестить своего друга по службе в армии и заодно покататься на «тарзанке».

Кино про Тарзана я смотрел у Валерика – моего закадычного друга. Мы смотрели его почти каждый день, пока не надоело. Но никакой «тарзанки» мы там не видели.

И вот в воскресенье после обеда мы отправились на нашей новенькой машине в необычное путешествие.

Пруд был большой. Со всех сторон его окружали кусты, деревья и камыши.

– Ну что, на «тарзанку» идём? – спросил папа.

– Конечно, – согласились мы с Валериком и пошли с папой в ту сторону, где слышались весёлые детские голоса.

Никакого Тарзана мы, конечно, не увидели. Обыкновенные сельские мальчишки, черные от загара, топтались на плотине под высоким деревом.

– А вот и «тарзанка», – показал папа на длинную верёвку, которая была привязана к высокой толстой ветке.

– Кто из вас смелый? – улыбаясь, папа обратился к мальчишкам.

Они с ухмылкой переглянулись. Скорее всего, смелыми здесь были все.

– Федька, покажи городским класс!

Ростом Федька оказался ниже всех – худенький, конопатый. Даже ниже нас с Валериком. Чтоб достать до веревки, Федьке надо было встать кому – то на плечи. Но друзья

без труда подбросили его к «тарзанке», затем резко потянули назад, и – отпустили. Федька, как маятник, качнулся в сторону пруда и в самой высокой точке полета отпустил руки и красиво нырнул в воду.

– Кто следующий? – посмотрел на нас папа.

– Надо размяться перед прыжком, – сказал Валерик, размахивая руками в разные стороны. Но мне показалось, что он специально тянет время. Первым прыгать ему не хотелось. Но казаться трусами перед чужими ребятами тоже было зазорно.

– Папа, давай я, – охрипшим от страха и волнения голосом выдавил я и посмотрел на Валерика. Тот заметно повеселел. А папа, точно перед полетом в космос, принял меня инструктировать:

– Долетаешь до воды и отпускаешь руки. И не бойся, я рядом.

Он подсадил меня на «тарзанку» и сильно толкнул. Ушел из-под ног берег, можно прыгать, но пальцы не хотели разжиматься и я, болтая ногами, полетел обратно.

– Ты чего? – крикнул папа.

– Скорость маленькая, – объяснил я.

– Повторим? – спросил папа.

– Повторим.

Местные мальчишки собрались в кучку и с интересом наблюдали чем закончится мой полёт. Валерик даже разминаться перестал.

Когда я перелетел плотину и понесся опять к пруду, папа ещё раз толкнул меня. Прыгать было страшно, но не болтаться же на верёвке целый день? И я отпустил палку. В этот момент кто-то крикнул так страшно, что вода подо мной расступилась, и все звуки вокруг на мгновение стихли.

Когда я вынырнул, папа на берегу хлопал в ладоши, а Валерик от радости прыгал и что-то орал. И я, не торопясь, как олимпийский чемпион, поплыл к берегу.

– Это кто так кричал во время моего прыжка? – спросил я гордо папу.

— А нам показалось, что это кто-то орал от страха, — и папа посмотрел на Валерика:

— А ты плавать умеешь?

Валерка умел только по-собачьи, а потому выдавил:

— Умею.

— Ну что, прыгаем? — спросил его папа.

— Прыгаем, — ответил Валерик. В этот момент он больше походил на тушканчика, чем на Тарзана.

Начиналось все хорошо. Валерик взмыл над прудом, и мы следили, когда он прыгнет. Но «тарзанка» с высячим, точно сосиска Валериком вернулась обратно.

— Все нормально? — спросил папа.

Сосиска почему-то молчала и болтала ногами.

— Если боишься, то не прыгай, — сказал я.

— Счас прыгну!... — почему-то заорал Валерик и крепче уцепился за палку.

...Он шлёпнулся в воду почти возле самого берега и поднял такой фонтан брызг, точно в воду бросили глубинную бомбу. В этот момент лягушки пруда от страха, наверное, выскочили на берег и повертели лапками у виска: ты, парень, случаем не ква — квакнулся?

Валерик через мгновение показался из воды и, задрав голову, заработал руками точно винт моторной лодки.

— Вставай, там мелко! — крикнули ему местные ребята.

Валерик бросил мутить воду и встал на ноги. Воды было по пояс.

— Эх ты, Тарзан, — обнял я Валерика.

— Ничего. Не получилось сегодня, получится завтра, — подбодрил его папа.

Солнце склонилось над прудом. Мы сели в машину и оглянулись. Сельские мальчишки уже ушли и только «тарзанка» одиноко раскачивалась на дереве.

СОЛДАТСКАЯ ПИЛОТКА

Тимка сидел за столом и рисовал. Он ждал – после новостей по телевизору должны быть мультики.

И вдруг на экране – летят вертолеты, стреляют бронетранспортеры, парашютисты одуванчиками сыплются из самолета. Оказывается, в их области начались учения войск округа.

– Эх, попасть бы на такие учения, – мечтательно произнёс Тимка. – Стреляй, сколько хочешь! Хочешь из автомата, хочешь из пушки, а хочешь – из танка.

Он любил смотреть передачи про войну и про армию и мечтал стать военным, как дедушка. Его портрет в военной форме висел в зале на самом видном месте. Звезда Героя Советского Союза украшала его грудь. Каждый раз на День Победы дедушка вспоминал войну и боевых товарищей, а потому Тимка уже наизусть знал, за что дедушке присвоено звание Героя.

Когда по улице перед домом Тимки проехала первая машина, он не придал этому значения. Мало ли кто ездит через их село, а мультики только утром и вечером показывают. Но гул за окном не прекратился – за первой машиной шла вторая, за ней – третья, четвертая, и не было им ни конца, ни края. Тимка выглянул в окно и не поверил своим глазам – все машины были одного цвета-зеленые, а значит, военные. Неужели учения дошли и до их села?

Тимка быстро оделся и выскочил на улицу.

Машины большие и маленькие, покачиваясь на ухабах, двигались в сторону леса. Длинные антенны на машинах раскачивались из стороны в сторону: хлесь- хлесь! Тимка чуть не задохнулся от восторга, и когда колонна прошла, побежал искать Валерика с Федькой.

– Ну что, видали? – спросил он друзей.

– Видали.

– Когда пойдем к военным? – спросил Тимка.

— Только не сегодня, — ответил Валерик. — Они должны сначала разместиться, окопаться. Лучше завтра с утра.

На следующий день, позавтракав на скорую руку, они встретились на окраине села и зашагали в сторону леса. В карманах курток у них лежали яблоки. Марш — бросок, ведь, предстоял приличный.

— Главное — достать пилотку. Я без пилотки оттуда не уйду, — сказал Тимка.

— Чего ж ты у дедушки не возьмёшь?

— У него её уже нет — в школьный музей отдал.

— Достану пилотку, тогда хоть завтра в армию, — мечтательно сказал Тимка.

— Я лично в армию не хочу, — возразил ему Валерик. — Папа говорит, что там «дедовщина».

Тимка представил своего дедушку, бегущего в шлепанцах с автоматом, и возразил другу:

— Такого не может быть. Ну, какой из дедушки солдат? Солдат должен быть молодым и сильным, как мы, и тогда на нашу страну никто не нападёт!

Тимка и Федька шагали бодро, а Валерик то и дело отставал.

— Не отставать! — прикрикнул на него Тимка. — Ползёшь как сонная муха.

Военный лагерь оказался на удивление близко — слева на окраине леса. Машины стояли ровными рядами, а чуть подальше раскинулся палаточный городок.

Ребята осторожно подошли к крайней, самой красивой машине: вместо кабины и кузова у неё была небольшая башня с торчащим вверх пулемётом. На её курносом передке рядом с фарами лежала забытая кем-то пилотка.

— Вот тебе и пилотка, — обрадовался Валерик. — Точно ждала тебя.

— Но без разрешения это же ...

— Вам чего, ребята?

Друзья вздрогнули и оглянулись. Рядом в плащ-палатке стоял солдат, скорее всего часовой. Из-под капюшона выглядела каска.

— Да вот ..., — замялся Федька. — Тимка у нас все мечтает о пилотке и стать военным, как его дедушка — Герой Советского Союза. А какой военный без пилотки.

— В армии, ребята, главное не пилотка, а то, как ты служишь, — сказал часовой. — У кого вы говорите, дедушка — Герой?

— Вот у него, — Федька показал на Тимку.

— Варламов! — крикнул часовой и зачем-то постучал кулаком по курносому капоту. Из верхнего люка, точно из воды, показалась голова солдата в ребристом шлемофоне.

— К тебе гости, — доложил часовой. — Они тут твою пилотку нашли...

— Не нашли, а просто подумали, что кто-то её забыл, и решили посторожить, — поправил Федька. — Угощайтесь! — и он протянул часовому и Варламову яблоки.

— Яблоки это хорошо, — улыбнулся часовой и посмотрел на Варламова. — А чем же вас угостить?

— Нам бы на этой машине покататься.

— Эта машина называется бронетранспортер и прокатиться сегодня не получится — что-то забарахлила, — Варламов спрыгнул на землю. — А вот полазить можно.

И Варламов рассказал о бронетранспортере всё и даже ответил на вопросы ребят.

— Всё понятно? Кто повторит мой рассказ?

На удивление всех Тимка рассказал о боевой машине так, точно он, а не Варламов был её водителем.

— Ты, я вижу, прирожденный командир, — сказал Варламов. — Я случайно услышал, что ты мечтаешь о пилотке? Я дарю тебе свою и ты береги её. Эта пилотка не простая. Мне подарили её брат после службы в Афганистане. Видишь след на звездочке? — он показал пилотку: на звездочке не было одного луча. — Это след от душманской пули. Звездочка спасла ему жизнь.

И Варламов надел пилотку Тимке на голову. Пилотка была большая и закрывала уши, но зато это была настоящая пилотка.

— Служу Советскому Союзу! — Тимка приложил ладошку к пилотке.

Варламов и часовой от удивления переглянулись.

— А ты откуда это знаешь?

— Так у него же дедушка — Герой Советского Союза, — подсказал Федька.

Возвращались ребята уставшие, но счастливые: «разведка боем» оказалась успешной и завтра они опять пойдут в гости к военным.

Дома Тимку встретил дедушка. Он надел очки и уставился на внука:

— Ты где это взял?- показал он на пилотку.

— Солдаты подарили.

Дедушка хотел ещё что-то спросить, но тут дверь на кухню отворилась и в избу вошли незнакомый капитан и уже знакомый Тимке Варламов.

— Товарищ Герой Советского Союза!- приложил капитан руку к фуражке.- Вверенное мне подразделение прибыло для дислокации в ваши края по случаю окружных учений.

Дедушка на мгновение растерялся, но потом стал по стойке «смирно», вытянув руки по швам. Глядя на него, Тимка тоже вытянулся по струнке.

— Прямо напугали старика, — улыбнулся дедушка. — Чем обязан вашему визиту?

— О вас мы случайно узнали от сельских ребят и хотели бы просить вас выступить перед нашими солдатами.

— А вы где расквартировались?

— В лесу, на окраине. Вот он, — капитан кивнул на Тимку, — знает где.

Дедушка на мгновение замялся:

— Это для меня уже далековато.

— А вам не надо ходить. Если вы согласны, за вами придет моя машина. Когда вам удобно?..

Дедушка и капитан договорились о дате, и Тимка в пилотке проводил гостей за калитку, помахал на прощанье рукой.

Тимка уже лежал в постели, когда мать подошла к нему и спросила:

— Ты так и будешь спать в пилотке?

— А на войне все так спят. Ведь учения это почти что настоящая война.

Мать удивленно покачала головой:

— Тогда ты и ботинки надень. Всё теплее...

Тимка молча снял пилотку и бережно положил её под подушку.

Ночью он несколько раз просыпался и лазил туда рукой. Пилотка была на месте.

САД НА ЗАРЕ

Тимка Гришанов ходил в огород и не закрыл, как следует калитку. Корова открыла ее рогом и успела истоптать не одну грядку, пока Тимка выгонял ее. И Тимке в который раз влетело от матери.

Когда он прибежал к деревенскому клубу, Володька уже был там.

– Что это у тебя глаза красные? – спросил он.

– Лук чистил, – соврал Тимка.

– Для коровы что ли? – усмехнулся друг.

Клуб стоял почти напротив Тимкиного огорода, поэтому Володька видел всё. Тимке ничего не оставалось, как открыться.

– «До смерти, говорит, добра от тебя не дождешься», – повторил он слова матери, и потер ладошкой пониже поясницы. Корова, оказывается, какой-то там саженец сломала.

– И за это бить человека? По-моему, несправедливо, – философски заметил Володька и хлестнул веткой по земле. – Еще неизвестно, вырастет ли саженец. А вдруг он возьмет завтра да засохнет? Тогда получается, что тебя наказали зря... Я бы на твоем месте вместо него сто этих саженцев посадил. Из принципа!

– Сто – это же целый сад, – осадил товарища Тимка.

– Подумаешь, сад!... На один день и делов – то.

– Это сколько б варенья можно было наделать, – мечтательно произнес Тимка и почесал затылок. – И все-таки сто – это много. Десять – куда ни шло...

– Давай на спор, что... утром у вас в огороде будет сад.

– Давай, – нерешительно протянул руку Тимка. – А если не будет?

– Тогда... Тогда я отдам тебе...

– Видеокассету с «Шрэк-2»!

– Ла- а- дно, – Тика вяло разбил рукопожатие.

— Как только стемнеет, бери лопату и приходи сюда же. Понял?

Не в силах представить сад на месте своего огорода, Тимка хотел было отказаться от затеи, но вместо этого согласно кивнул головой.

...Первое дерево — молоденькую вишню — мальчишки выкопали в огороде деда Маркуша. Ох, и намучились же с ней! Копая, они старались не поранить корни, поэтому яма вышла большой.

— Я слышал, что во время цветения деревья нельзя пересаживать, — тяжело дыша проговорил Тимка.

— А мы быстро, — уверенным тоном сказал Володька, — оно и опомниться не успеет.

И они заработали лопатами еще быстрее, чем разбудили собаку деда. Мальчики притихли в ожидании, что на лай выйдет хозяин, и их операция сорвется в самом начале. Но свет в окнах не загорался, и ребята, приставив саженец к плетню, спокойно засыпали яму.

— Ну их, эти вишни, — заявил Володька, когда деревце заняло место в огороде товарища, и вытер потный лоб. — Давай лучше смородину посадим. Варенье из нее ничуть не хуже вишневого, а даже полезнее.

— А где мы ее возьмем?

— У бабки Федоры.

Тимка демонстративно воткнул лопату в землю:

— Ты как хочешь, а я воровать больше не пойду.

— Разве два каких-то несчастных куста — это воровство? — удивленно произнес Володька. — И потом, она сама как-то говорила, что смородина замучила ее, и она не знает, как от нее избавиться.

— А ты не врешь? — Тимка зачем-то потрогал черенок лопаты.

— Больно нужно...

Это убедило Тимку и друзья направились к огороду соседки.

...Небо на востоке еще только начинало светлеть, а участок Тимкиного огорода за баней уже темнел от смородины.

– Шестнадцать! – сосчитав кусты, радостно воскликнул Володька. – Может, хватит уже? Ты ведь и так выиграл.

– Ну, если сдаешься...

– Да и сажать уже некуда, – добавил Тимка. – Дальше вода.

Почти в самом конце огорода, в низине, начиная с весны, стояла большая лужа.

Мальчишки бросили лопаты в сарай, вымыли руки в бочке и, довольные сделанным, разошлись по домам.

...Разбудил Тимку грохот опрокинутого в сенцах ведра и голос матери:

– Смородины ему захотелось! – ругалась она. – Ну, я тебя сейчас накормлю. Долго ты у меня ее помнить будешь!

Не дожидалась, когда мать начнет «кормить» его ягодой, Тимка схватил брюки, рубашку и выпрыгнул в окно. Опомнился только на сеновале. Сердце билось часто-часто...

А все открылось так. Помогая утром прогнать за околицу стадо, соседка – тетя Ульяна увидев на огороде Нюры Гришановой зеленое поле кустов и удивилась: вроде бы вчера их не было. «Загадка природы» понесла тетку Ульяну по селу.

Слухи о том, что у Гришановых «за ночь вырос сад», дошли и до бабки Федоры, которая с утра ломала голову: куда девалась ее смородина... И старуха решительно направилась к их двору. Через забор увидела пропавшие кусты.

Соседки тут же объяснились, и мать Тимки бросилась в избу. Ботинки сына были выпачканы в земле. Но самого его в спальню не оказалось.

– Отольются кошке мышкины слезки, – сердито произнесла мать, выглянув в распахнутое окно.

Слухи об утренних событиях докатились и до Володьки. Поняв, что товарищ в опасности, он поспешил ему на помощь. Тимка сидел возле окна сеновале и наблюдал за всем, что происходило во дворе и в огороде. А там, переговариваясь, выкапывали кусты мать и бабка Федора.

– Ну что? Посадил сад? – расстроено бросил Тимка, увидев товарища.

— Кто же знал, что так получится?

— Кто-кто? Теперь хоть домой не ходи, — сказал Тимка, когда мать и соседка скрылись за калиткой с кустами в руках.

— Не хнычь, что-нибудь придумаем, — поспешил успокоить товарища Володька.

— Сейчас главное — убрать вишню. Если и ее заметят, — дед Маркуш на нас точно собаку натравит.

— А если в лужу ее? — несмело подсказал Тимка.

— А что?... Идея!

За ночь деревце изменилось до неузнаваемости. Листья и цветы на ветках завяли и не были такими яркими и сочными, как на остальных деревьях.

— Ну что я тебе говорил! — упрекнул Тимка товарища, кивнув на вишню: «...опомниться не успеет». Теперь уж точно — не опомнится...

Володька промолчал: не время было выяснять отношения. Они выдернули деревце из земли, и через несколько минут последняя улика ночной операции скрылась в глубокой луже.

Грозу, нависшую над Тимкиной головой, надо было переждать, и остаток дня ребята провели за селом, где два огромных бульдозера рыли пруд. Это было так интересно, что Тимка напрочь забыл о предстоящем наказании и опомнился лишь тогда, когда трактористы, заглушив моторы, начали собираться домой. Мальчишки неохотно поплелись к селу. Тимка решил возвращаться не улицей, а огородами. Он уже запер за собой садовую калитку, как на крыльце вышла мать. Тимка юркнул в сарай и забрался на сеновал. Но было уже поздно: мать заметила его.

— Тимка, сейчас же иди домой! — крикнула она.

Он лежал, не шелохнувшись. Вскоре заскрипела лестница, и над сеном появилась голова матери в белом, повязанном назад платке.

— Не слезешь — хуже будет, — предупредила она.

— Я знаю, ты бить будешь, — заныл он, поняв, что дальше скрываться бессмысленно.

— А ты хотел, чтоб я тебя пряником одарила? Я жду...

— Не слезу, — упрямился Тимка.

Мать посмотрела вниз, собралась спускаться:

— Тебе виднее, — устало вздохнула она, — но если через пять минут не будешь на земле, расскажу отцу. Мыслимо ли дело: весь день не емши!

Шурша сеном, Тимка на четвереньках пополз к лестнице.

Ужинали молча. Тимка жадно уплетал за обе щеки, не забывая, впрочем, из-под бровей следить за матерью. Ремня на добавку ему не хотелось.

— Скажи хоть сейчас честно: зачем тебе эта смородина понадобилась? — нарушила молчание мать, — что у нас своей мало?

Тимка положил ложку на стол, загундосил:

— Вчера утром ты сама сказала, что до смерти от меня добра не дождешься. Вот я и решил сделать что-нибудь хорошее. А что- не знал... Володька помог.

— Ох, уж этот мне Володька, — мать легонько постучала кулаком по столу. — Если я вас еще раз вдвоем увижу, не знаю, что тебе сделаю...

Тимка виновато шмыгнул носом. Но он не собирался менять товарища.

— Добро радовать должно, а не огорчать, — вздохнув, сказала мать и тяжело поднялась. — Ты так скоро меня со всеми соседями перессоришь.

...На улице послышался треск мотоцикла. Во дворе он устало смолк.

— Отец приехал!

Тимка, стрельнув взглядом на мать, выскочил на крыльцо.

— Вот как они меня ждут, — нарочито строго проговорил отец, заметив в руке сына кусок хлеба. Он отвязывал от багажника какой-то мешок. — Я им подарки везу, спешу, а они без меня ужинать сели ...

За спиной Тимки, скрипнув дверью веранды, появилась мать:

— Ужин-то давно на столе, а вот где подарки? — пошутила она.

Отец прислонил к забору мешок, из которого выглядывали какие-то мохнатые веточки.

— Ремонтировал сегодня электропроводку на складе плотопитомника, — сказал он, — так начальник выписал мне черенки черной смородины. Стойная, говорит, как бамбук.

Сын взглянул на мать, и они дружно засмеялись.

... Тимка лежал в постели и слушал, как мать гремит посудой, убирая со стола. Он все ломал голову над ее словами: «Добро радовать должно».

Отступать не хотелось, а фантазия не подсказывала ничего такого, что могло бы порадовать мать.

«Без Володьки не обойтись, — подумал Тимка. — Завтра же с ним посоветуюсь». И уже засыпая: «А вишню деду Маркушу надо вернуть. В воде ведь ночь пролежит. Может, не погибнет?...».

ТУЛЬСКИЙ ПРЯНИК

Тимка лежал на русской печи и наблюдал как мать разжигает грубку. Ужин собирается готовить, догадался он.

Положив под дрова старую скомканную газету, мать подожгла её. Огонь начал лизать сухие, принесенные из сарая дрова.

Загудело за окном. Тимка подняв голову и прислушался: не отцов ли мотоцикл? Хотелось соскочить на пол и припасть к замерзшему окну. Но слазить с печи мать запретила: у него ангина.

Гул за окном постепенно затих – нет, это не мотоцикл, по улице проехала машина.

Тимка ждал отца. Ждал когда он привезет подарок от лисички? Что же она передаст на этот раз: конфету или яблоко, и не знал на чем остановить свой выбор – хотелось и того и другого.

– Когда папа приедет? – спросил Тимка.

– Да пора бы уже, – мать посмотрела на часы. – Может, опять мотоцикл сломался?

Поломался это плохо, огорчился Тимка. Сегодня вечером он собирался спрятаться за деревьями, что растут вдоль дороги и подсмотреть, как лисичка передает подарок. А тут на тебе: горло заболело. И это от горстки снега.

Недомогание Тимка почувствовал утром. Хотел глотнуть и скривился от непривычного комка в горле, испугался и заплакал. Подошла мать, потрогала лоб, и все открылось: играли на пруду за селом, стало жарко, и он зачерпнул ладошкой снега...

Не скоро он теперь лисичку увидит...

Отец счастливый, он каждый день встречается с ней. А Тимка не то, что лису, обыкновенного зайца не видел.

Трещали в грубке дрова, в соседней комнате негромко бормотало радио. Залаял на улице Лапун. Лапун потому, что

у него широкие, лохматые лапы, огромные как и он сам. Положит на плечи - с ног валившись.

Лапун полаял и замолчал, значит шёл свой.

В сенцах кто-то затопал ногами, оббивая снег, затем начал шарить по двери в поисках щеколды. Наконец скрипнула дверь и Тимка по голосу узнал соседку бабу Марью.

– Ну, что снегоед? - заглянула она на печку. - Будешь ещё снег лопать?

Тимка обиженно отполз вглубь печки.

– Я не снегоед.

– Чисто сnegoед, - повторила соседка. – Держи, - и она протянула Тимке что-то завернутое в газету.

Тимка молча взял сверток.

– Что нужно сказать? - напомнила мать.

– Спасибо, - прохрипел Тимка.

Баба Марья, кряхтя, села на стул, расстегнула фуфайку и сказала, расправляя на груди шерстяной платок:

– Ты, хоть, посмотри, что тебе баба Марья принесла.

Тимка аккуратно развернул газету и радостно промычал:

– Пряник.

– Тульский пряник, - поправила баба Марья. – Медовый! Мне сынок из Тулы посыпочку прислал.

Тимке не терпелось проверить: так ли это? И он понюхал, а затем и лизнул пряник. Пряник, действительно был медовый.

А Баба Марья уже рассказывала о подарках сына, о высокой должности, какую он занимает в Туле, что на работу его возит персональная машина. Тимке слушать это было не интересно и он уставился на огонь в грубке.

Он вдруг представил, что это луч фары отцовского мотоцикла, который несётся по укатанной снежной дороге. Нет, это Тимка мчит на мотоцикле по зимней дороге. Свистит в ушах ветер. Какое прекрасное время – зима! Вокруг деревья в снегу, а Тимке почему-то нисколечко не холодно, а даже наоборот – жарко...

...Проснулся он от голоса отца, открыл глаза и тут же за-
жмурился от яркого света. За окном уже темно. Стул, на ко-
тором сидела баба Марья был пустой, возле умывальника
фыркал, умываясь, отец.

— Три раза останавливался, пока доехал, — говорил он,
принимая из рук матери полотенце. — Замучил он меня, хоть
продавай.

«Неужели действительно продаст?» — со страхом подумал
Тимка про мотоцикл и не решился спросить про лисичку.

Заметив, что сын проснулся, отец с грустью сказал:

— Не видел я сегодня лисичку, сынок. Не дождалась, вид-
но, меня, убежала.

Отец повесил полотенце и сел за стол.

Тимка увидел, как расстроился отец. Ещё бы: ведь у лички был подарок для него и теперь она, может быть, отдаст его другому мальчику, если, конечно, волки не отнимут.

— И никуда лисичка не убежала, — Тимка соскочил на пол и положил перед отцом пряник, тот самый тульский пряник, что принесла нынче баба Марья.

Отец перестал жевать и удивленно посмотрел на Тимку. И они оба загадочно улыбнулись...

БОЛЬНО!..

У Маринки начал качаться молочный зуб, и мама сказала папе:

– Надо показать ребенка врачу, но я это сделать сегодня не смогу. Я уже опаздываю на работу.

– Тогда мы сходим в наш лазарет, – сказал папа. Папа у Маринки был военным.

В коридоре лазарета было пустынно и пахло лекарствами.

Папа посадил Маринку на стул и сказал:

– Никуда не уходи, я сейчас. – И скрылся за белой дверью, на которой Маринка по слогам прочитала «Сто- ма-то-ло-ти-чес-кий ка-би-нет». Рядом с дверью, на стене, висел красочный плакат на котором был изображен большой зуб с черным пятном сбоку.

– Ка-ри-ес, – продолжала читать Маринка. И ей почему-то стало страшно от вида зуба и незнакомого слова. Она прогоняла языком свой зуб. Он был на месте.

– Ты чья, девочка?

Перед Маринкой стояла незнакомая женщина в белом халате.

Маринка молчала, но тут вышел папа.

– А мы вот к тебе, Людочка, – улыбнулся папа, увидев женщину.

– А я думаю, что это за ребенок один без родителей? – сказала она и тоже улыбнулась.

– Зуб вот пришли полечить, – доложил папа и посмотрел на Маринку.

Тётя Людочка открыла дверь.

– Проходите, пожалуйста.

И они вошли в кабинет.

– Я сделаю все как надо, Саша, – улыбнулась Людочка и помогла Маринке забраться на кресло. Потом она надела маску и подошла к столику с инструментами. Над креслом вспыхнула плоская, похожая на зеркало лампа.

– Покажи, Маринка, какой зуб у тебя качается? - сказала доктор.

Маринка открыла рот и успела только хныкнуть от острой боли, как Людочка сказала:

– Вот и всё.

Она положила ей тампон, попросила закрыть рот и сказала:

– А это тебе на память, – и она протянула Маринке зуб. – Храни его, пока не вырастет новый.

– Посиди немножко, – сказала Людочка и подошла к папе, который стоял у двери. Они о чем-то разговаривали и тихонько смеялись

– Ты что сегодня делаешь? - услышала Маринка вопрос Людочки.

– Извини, Людочка, сегодня не получится, – ответил папа и наступила тишина. Она почему-то смутила Маринку и она оглянулась. Папа целовал Людочку.

– Я буду тебя ждать, – не сопротивляясь, шептала она.

– Ну, что, мы пошли? - сказал смущенный папа, заметив Маринкин взгляд.

– Два часа ничего не кушать. Рот не полоскать, – громко сказала Людочка.

Маринка сползла с кресла. Она в этот момент ненавидела тетю Людочку, папу, зуб, весь кабинет и разжала ладошку...

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗДУШНЫЙ ПОЧТАЛЬОН	3
«ПЕТЛЯ НЕСТЕРОВА»	8
РАНЕНЫЙ «ОРЛЁНОК»	11
ШАГИ ЗА ДВЕРЬЮ	16
ТЫСЯЧЕЛИСТИНКИ	19
ДЕКОРАТИВНЫЙ ЗЯКА	23
«ТАРЗАНКА»	27
СОЛДАТСКАЯ ПИЛОТКА	30
САД НА ЗАРЕ	35
ТУЛЬСКИЙ ПРЯНИК	41
БОЛЬНО!..	45

Литературно-художественное издание

Корниенко Олег Иванович

Маги за дверью

**РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Редактор – Г.М. Цыплёнкова
Художники – В.Зайцев, Г.Лопачёва, О.Степанова

Компьютерная верстка Н. Маховой
Дизайн обложки _____

Подписано в печать _____.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать _____.
Объем 3,02 усл. печ. л. Тираж _____ экз. Заказ № _____.

Издательство ООО «Офорт».
443080, г. Самара, ул. Революционная, 70, литерра П.
Тел.: 372-00-56, 372-00-57, 932-00-50.
E-mail: ofort-samara@mail.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Офорт».